

[Л.1]

Стенограмма записи воспоминаний д-ра математических наук, декана физико-математического факультета профессора Львовского университета Степана Степановича Банаха.

Беседу вел ученый секретарь Комиссии Истории Отечественной войны кандидат наук Гак Д.В.

Стенографировала Шестопалова Г.В.

19.9.1944 года.

Я родился в 1892 г. в Кракове. Гимназию окончил в Кракове. Во Львове закончил университет в 1920 г., а титул проф. в 1922.

С 1922-1923 гг. был проф. во Львовском университете, с 1939-1941 г. был профессором и деканом на физико-математическом факультете во Львовском университете им. Ивана Франко. С 1941-44 г. при немцах работал в противотифозном институте Вайгля как кормитель вшей. Сейчас я снова профессор и декан физико-математического факультета.

Через три дня после прихода немцев арестовали несколько выдающихся ученых, а именно: Бартеля, Ролевича, Ломницкого, Стожика. Некоторые из них арестованы с женами, с детьми. Тогда я сразу сориентировался об отношении немцев к людям.

Научная работа была полностью невозможна в такой атмосфере. Товарищеские отношения между отдельными людьми были очень затруднены, поскольку в каждой встрече товарищей немцы видели подпольную работу. Я мог только работать лично и непродуктивно. Не хватало всего – и пищи, и отопления, а самое важное из всего, что я все время был под угрозой ареста.

[Л.1 оборот] Поступая на работу в противотифозный институт Вайгля объясняется тем, что там работа длилась один час в день и давала справку, которая была очень важной для хождения по улице и жизни в городе. Остальное время я имел возможность работать дома, посвятить время своим научным работам. Средства к жизни были незначительные, поэтому я вынужден был продавать свои вещи, чтобы прокормиться.

С сентября 1941 я был уверен, что Красная армия победит, особенно после боев под Москвой. А в дальнейшем зимняя кампания – я был уверен, что Красная армия уже должна прикончить немцев, – убедила меня в полной победе. Я ошибся только в сроке, думал, что это будет скорее.

Убеждение в победе Красной армии были не только мои собственные, а были распространены в моем окружении, среди моей семьи и знакомых. С начала этого года все уже были уверены в том, что в этом году безусловно Львов будет освобожден.

Во времена немецкого пребывания Галиции и Польши больше всего пострадали населения Варшавы, Кракова и Львова.

Перед началом войны польская интеллигенция была единодушно враждебно настроена против немцев. Никто не ожидал и не увлекался немецкими успехами. Относительно украинской интеллигенции – кружок людей, моих знакомых, были также убеждены, как и я. А о более широких кругах не могу здесь сказать, но из дальнейшего развития событий видно, что были такие группировки, которые ждали немцев.

Польская интеллигенция во Львове относительно немецкой пропаганды была хорошо осведомлена советским и английским радио, потому что многие люди тайно слушали передачи на польском языке по российскому радио и по лондонскому радио.

Относительно катынского дела, в короткое время по ее провозглашению, мы были убеждены в ложности представленных фактов и доказательств, потому [Л.2] что несколько человек, о которых нам было известно очень хорошо, что они проживают в Советском Союзе, в Америке, в Англии, немцы подавали сведения, что якобы в Катыни найдены их документы, как будто они были расстреляны. Тогда выяснилось и это было ясно, что это был обычный [пропущено место для слова]. Упоминание о лесе, который имел двухлетние насаждения, был наглядно смешным и доказывал поспешную сфабрикованность этой затеи.

Выдвижение лондонским правительством катынского события на широкую арену польская интеллигенция Львова считала большим блудом. Понятно, что это было неединодушное мнение, некоторые люди находились, которые верили в эти версии, но значительного влияния этой категории людей не было.

К советскому партизанскому движению польская интеллигенция Львова относилась очень благосклонно. Первая бомбардировка Львова советскими самолетами в 1943 г. в мае была встречена населением благосклонно и подняла настроение населения. На второй день после бомбардировки заметно было, что только среди немецкого населения были печальные лица.

Чем ближе продвигалась Красная армия на запад, тем нетерпеливее ждало население освобождения Львова от немецких оккупантов. Среди польской интеллигенции никто не работал на политической платформе с немцами. Были люди, которые сближались с немцами только на основе торговли, но этих людей польская интеллигенция осуждала и не вступала с ними в дружеские отношения.

Разные мнения выдвигались относительно будущего Польши, но, однако, вероятно была мысль, и большинство ее принимало, что СССР победит и надо будет найти дорогу сотрудничества на основании дружбы и добрососедских отношений.

Были и другие мнения, которые базировались на утверждении, что якобы Советский Союз и Германия через длительные войны так ослабятся, что при помощи союзников будет создана новая Польша в старых границах.

[Л.2 оборот] К созданию польской армии в Советском Союзе польская интеллигенция относилась благосклонно, как к такой, которая будет бороться за Польшу.

Позже, в связи с лондонской пропагандой, произошел некоторый раскол среди интеллигенции относительно симпатии к польской армии.

Та часть, которая отрицательно относилась к польской армии в СССР, основывалась на возможностях, выдвинутых развитием Польши при помощи союзников.

Относительно образования национального польского правительства в Люблине существует два течения, из которых больше всего выступают за то, чтобы произошло понимание между всеми различными польскими группировками и двумя правительствами, Люблинским и Лондонским.

Общее убеждение интеллигенции, что новая конституция, вторая с 1934 г., была конституцией навязанной, и уже с 1934 польская интеллигенция считает эту конституцию трюком пилсудчиков.

Относительно пропаганды профессоров вузов работать в сфере политики в правительстве – профессора не откликались на призыв к переходу на политическую деятельность. Это не значит, что они вообще отказались сотрудничать, но предпочитали профессорские посты.

Политика немцев в сфере религии и школ.

Все польские школы были закрыты за исключением четырехклассной. Поляки не имели доступа ни к одному высшему учебному заведению, потому что немцы считали, что польской интеллигенции не нужно учиться.

По церковной политике немцы вмешивались в проповеди и поэтому многие ксендзы попали в тюрьму.

К примеру: из костела св. Елизаветы и св. Николая были забраны ксендзы – неизвестно, что с ними произошло.

[Л.3] На улицах Львова часто происходили облавы на людей, которых забирали на работу в Германию и кроме этого были официальные объявления. Особенно мобилизовали молодежь. Забрали в Германию из г. Львова до 20-25 тысяч польской молодежи, на работу в Рейх.

Беседу вел ученый секретарь Комиссии Истории Отечественной Войны

Кандидат наук (Д.В. Гак)

Стенографировала (Г.В. Шестопалова)

Пронумеровано 3 лист.

мл. науч. раб. Сманиус

31.I.46 р.